

Мунира
Вагина

У моего мужа
есть тайна

18+

Мунира Вагина

У моего мужа есть тайна

«Автор»

2026

Вагина М.

У моего мужа есть тайна / М. Вагина — «Автор», 2026

Шестнадцать лет Ева была уверена, что знает мужа до последней привычки. Пока в день годовщины не увидела на его телефоне сообщение: «Она приехала. Теперь скрывать это долго не получится». Молодая девушка рядом с Кириллом, тайные переводы, старая фотография и имя, о котором в их семье никогда не говорили, заставляют Еву заподозрить измену и внебрачную дочь. Но правда оказывается куда опаснее. Двадцать лет назад одна любовь уже разрушила несколько судеб, а теперь прошлое возвращается — вместе с Алексом, владельцем старой усадьбы, к которому Еву тянет всё сильнее. Чем ближе она к разгадке, тем больше понимает: Кирилл скрывал не другую женщину, а вину, смерть брата и историю, способную разрушить их брак. И самое страшное — лучшая подруга Евы знает об этом гораздо больше, чем признаёт. Когда все тайны выйдут наружу, Еве придётся выбирать не между двумя мужчинами. Ей предстоит решить, можно ли любить человека после того, как увидел его настоящим.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сообщение	5
Глава 2. Девушка	10
Глава 3. Усадьба	14
Глава 4. Вторая ложь	18
Глава 5. Переводы	21
Глава 6. Алекс	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

У моего мужа есть тайна

Глава 1. Сообщение

Ева всегда считала, что у счастливого брака есть одна особенность: в нём редко случаются сюрпризы. Не потому, что люди перестают удивлять друг друга. Просто с годами между ними вырастает особый порядок — почти бесшумный, почти незаметный. Один знает, как другой ставит чашку на край стола, как морщится, если кофе слишком крепкий, как молчит, когда злится, и как улыбается, если не хочет показывать усталость. Шестнадцать лет брака превращают множество случайностей в привычки, а привычки — в уверенность.

В тот вечер Ева была уверена в Кирилле так же, как в том, что за окнами их квартиры уже окончательно наступил сентябрь. На кухонном острове стояла бутылка вина, которую Кирилл хранил почти год. Рядом — два тонких бокала, коробка с пирожными из маленькой кондитерской на Патриарших и букет кремовых роз. Он всегда покупал ей именно такие, без яркой упаковки, без блёсток и декоративных лент.

— Шестнадцать, — сказал Кирилл, наливая вино. — Страшная цифра.

Ева улыбнулась.

— Почему страшная?

— Потому что теперь ты знаешь обо мне слишком много.

— Я знала слишком много уже на второй год.

— А всё равно осталась.

— Возможно, из любопытства.

Он рассмеялся и поднял бокал. Кирилл Ланской умел смеяться негромко. Даже в этом он оставался человеком, который словно заранее считал пространство вокруг себя и никогда не занимал его больше, чем нужно. В сорок три года он был таким же собранным, как в день их знакомства: тёмные волосы, чуть посеребрённые у висков, ровная осанка, спокойный взгляд. Только морщины у глаз стали заметнее. Ева любила их. Они делали его лицо менее безупречным и потому более настоящим.

— За шестнадцать лет, — сказал он.

— За то, что мы ещё разговариваем.

— Иногда даже друг с другом.

Она коснулась бокалом его бокала. Всё было правильно. Даже слишком правильно. Днём Ева несколько раз ловила себя на неприятной мысли, что годовщина превратилась в хорошо отрепетированный ритуал. Цветы, ужин, вино, шутки, подарок. Не потому, что чувства исчезли. Они просто стали знакомыми, как любимая мебель: ты всё ещё ценишь её, но давно перестаёшь замечать, как именно она выглядит. Это профессиональное сравнение Еве не понравилось. Она была интерьерным дизайнером и слишком хорошо знала, что люди начинают менять пространство именно тогда, когда перестают его видеть.

Кирилл протянул ей небольшую коробку.

— Только не говори, что это серьги.

— Тогда не открывай.

— Серьги?

— Ева.

Она засмеялась, сняла крышку. Внутри лежал тонкий золотой браслет с маленьким тёмно-зелёным камнем.

— Это не серьги, — признала она.

— Я расту над собой.

— Очень медленно.

Кирилл наклонился к ней и поцеловал в висок. Ева на секунду прикрыла глаза. Вот оно, подумала она. Дом. Не квартира, не кухня, не вещи. Вот это прикосновение человека, которого знаешь шестнадцать лет и всё ещё узнаёшь по движению руки. Телефон Кирилла лежал рядом, экраном вверх. Он завибрировал. Ева не собиралась смотреть. Именно поэтому потом она много раз пыталась убедить себя, что ничего предосудительного не сделала. Она не брала телефон, не вводила пароль, не листала переписку. Просто экран зажёгся в тот момент, когда она потянулась за салфеткой.

Имя отправителя она не успела прочитать. Только сообщение.

«Она приехала. Теперь скрывать это долго не получится».

Несколько слов. Ничего особенного. И всё же в груди у Евы что-то коротко, неприятно сжалось. Кирилл увидел её взгляд почти сразу. Он взял телефон. Слишком быстро. Не резко. Не нервно. Кирилл вообще редко делал что-либо резко. Но Ева знала его достаточно хорошо, чтобы заметить эту долю секунды.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего.

— Кто приехал?

Он посмотрел на экран, словно сам только теперь читал сообщение.

— По работе.

— «Теперь скрывать это долго не получится» — звучит довольно драматично для работы.

Кирилл положил телефон в карман.

— Один из объектов. Есть проблема с собственниками участка. Ничего интересного.

Ева ждала продолжения. Обычно он продолжал сам. Объяснял, ворчал на подрядчиков, называл фамилии, цифры, сроки. Она никогда не понимала половины строительных терминов, но знала людей из его рассказов почти так же хорошо, как собственных заказчиков. На этот раз Кирилл взял бокал и сделал глоток.

— И что вы скрываете? — спросила Ева легко, почти шутливо.

Он поднял на неё глаза.

— Ев, давай не будем сегодня о работе.

Это тоже было непривычно. Кирилл мог не хотеть говорить о проблемах, но никогда не обрывал разговор этой фразой. Ева заставила себя улыбнуться.

— Согласна. Сегодня у нас страшная цифра.

Он улыбнулся в ответ. Через минуту они уже обсуждали поездку, которую всё откладывали. Потом Кирилл рассказывал о каком-то новом архитекторе, с которым его компания собиралась работать. Ева слушала, задавала вопросы, смеялась в нужных местах и одновременно чувствовала, как внутри неё поселилось что-то маленькое и холодное. Не подозрение даже. Неловкость. Как если бы в идеально знакомой комнате внезапно обнаружилась дверь, которой вчера не было.

После ужина Кирилл убрал посуду в посудомоечную машину. Ева протестовала — годовщина всё-таки, — но он сказал, что это его подарок самому себе: не увидеть утром беспорядок.

— Романтик, — сказала она.

— Практичный романтик.

— Худший вид.

— Зато надёжный.

Последнее слово почему-то задело её. Надёжный. Именно таким она всегда его называла. Не страстным. Не непредсказуемым. Не мужчиной, от которого кружится голова. С Кириллом голова не кружилась. С ним можно было закрыть глаза и знать, что пол останется на месте. Она вышла в гостиную, включила торшер и открыла ноутбук. На экране всё ещё был проект, над которым она работала последние две недели: квартира в старом доходном доме. Заказчица

хотела «дорого, но чтобы не выглядело дорого», муж заказчицы — «современно, но без этой вашей моды». Ева терпеливо пыталась соединить несовместимое.

Обычно работа мгновенно выравнивала ей мысли. Сегодня не получилось. Она изменила цвет стены в визуализации, вернула прежний, закрыла окно программы и посмотрела в сторону кухни. Кирилл стоял к ней спиной и что-то писал в телефоне. Увидев, что Ева смотрит, он сразу погасил экран. Снова слишком быстро.

— Всё-таки работа? — спросила она.

— Что?

— Ничего.

Он задержал на ней взгляд.

— Ты устала?

— Немного.

— Я тоже.

Кирилл подошёл, положил ладони ей на плечи и слегка помассировал их.

— Не сиди долго.

— Не буду.

Он поцеловал её в макушку и ушёл в спальню. Ева продолжала смотреть на пустой экран ноутбука. В её голове не было никакой конкретной версии. Это было самое неприятное. Если бы она могла назвать страх, он сразу стал бы меньше. Другая женщина? Ева почти рассердилась на себя. Слишком банально.

За шестнадцать лет у неё никогда не было причины подозревать Кирилла в измене. Он не задерживался без объяснений. Не исчезал на выходные. Не ставил внезапно пароль на телефон — пароль у него был всегда, как и у неё. Не становился неожиданно внимательнее к внешности. Не покупал новые рубашки, не начал бегать по утрам, не носил телефон в ванную. По крайней мере, раньше она этого не замечала. Ева закрыла ноутбук. Нет. Она не собиралась превращаться в женщину, которая после одного сообщения начинает мысленно проверять карманы мужа.

В спальне Кирилл уже лежал в кровати и читал новости. Его очки сползли к кончику носа.

— Ты похож на преподавателя, который устал ставить двойки, — сказала Ева.

— Я выгляжу умным?

— Ты выглядишь старым.

— С годовщиной тебя тоже.

Она легла рядом. Кирилл отложил телефон, обнял её. Тепло его тела, знакомый запах, тяжесть руки на её талии — всё это должно было окончательно уничтожить нелепую тревогу. Почти уничтожило.

— Кирилл.

— М-м?

Ева хотела снова спросить о сообщении. Вместо этого сказала:

— Ты счастлив?

Он открыл глаза.

— Сейчас?

— Вообще.

— Очень философский вопрос для половины двенадцатого.

— Ответь.

Кирилл несколько секунд смотрел на неё.

— Да.

— Просто да?

— А какой ответ ты хочешь?

— Правдивый.

Он чуть нахмурился.

— Правдивый — да.

Ева кивнула.

— А ты?

Она тоже могла ответить сразу. Не ответила.

— Думаю, да.

Кирилл усмехнулся.

— У меня хотя бы было убедительнее.

— Дизайнеры не любят окончательных решений.

— Особенно в собственной жизни.

Он притянул её ближе. Разговор закончился. Но фраза осталась.

«Она приехала».

Ева уснула далеко за полночь. Проснулась от того, что рядом было пусто. Первой мыслью было: Кирилл на кухне. Второй — почему так холодно? Балконная дверь оказалась открыта. Ева посмотрела на часы. Два сорок семь. С улицы тянуло влажным ночным воздухом. Кирилл стоял на балконе в футболке и домашних брюках, прижав телефон к уху. Ева не собиралась подслушивать. Она просто села на кровати. Голос Кирилла был тихим, но дверь оставалась открыта.

— Нет, — сказал он. — Не надо сюда приезжать.

Пауза.

— Я понимаю.

Ева замерла. Кирилл отвернулся к ночному городу.

— Я сам ей расскажу. Только не сейчас.

У Евы похолодели руки. Она не знала, кому предназначалось это «ей». Но впервые за шестнадцать лет почти не сомневалась, что речь шла о ней. Кирилл ещё что-то тихо сказал, затем завершил разговор. Ева быстро легла и закрыла глаза. Она услышала, как балконная дверь мягко закрылась, как Кирилл подошёл к кровати и несколько секунд стоял рядом. Ей показалось, что он знает, что она не спит. Но он ничего не сказал. Матрас слегка прогнулся.

Кирилл лёг рядом. Через мгновение его ладонь привычно коснулась её плеча. Ева не шевельнулась. Раньше это прикосновение означало одно: всё хорошо. Теперь она впервые подумала, что человек может гладить тебя той же рукой, которой держит закрытую дверь в другую часть своей жизни. Утром Кирилл вёл себя как обычно. Приготовил кофе. Открыл окно на кухне. Проверил погоду. Спросил, во сколько у Евы встреча с заказчиком. Даже напомнил, что вечером им надо заехать к его матери.

Ева наблюдала за ним и никак не могла совместить этого мужчину с человеком, который ночью говорил кому-то: «Я сам ей расскажу».

— Ты плохо спала? — спросил Кирилл.

— Почему?

— Вид у тебя такой.

— Какой?

— Будто ты всю ночь передвигала мебель.

Она усмехнулась.

— Профессиональная деформация.

Он налил ей кофе.

— Сегодня длинный день?

— Пока не знаю.

Ева взяла чашку. Спросить сейчас было проще всего. С кем ты говорил ночью? Что ты собираешься мне рассказать? Кто приехал? Она почти открыла рот. Но Кирилл уже смотрел

на экран телефона. Лицо его на секунду изменилось. Совсем немного. Будто он увидел сообщение, которого ждал и одновременно боялся. Потом выражение исчезло.

— Всё нормально? — спросила Ева.

Кирилл поднял взгляд.

— Да. Работа.

Вторая ложь ещё не прозвучала. Но первая уже стояла между ними. Ева допила кофе, поставила чашку в мойку и подошла к зеркалу в прихожей. Она увидела женщину тридцати восьми лет, хорошо одетую, собранную, уверенную. Женщину, которая привыкла принимать решения, когда клиенты не могли выбрать между двумя оттенками белого. Женщину, считавшую, что умеет замечать детали. И вдруг ей стало страшно от простой мысли. А что, если главное в собственной жизни она как раз не заметила?

Кирилл подошёл сзади, поправил ворот её пальто.

— Вечером увидимся.

Ева посмотрела на него в зеркало.

— Конечно.

Он поцеловал её в щёку и вышел первым. Дверь закрылась. Ева осталась одна. Несколько секунд она просто стояла в тишине. Потом достала телефон и открыла календарь. Шестнадцатая годовщина уже закончилась. Новый день начинался с вопроса, которого вчера в её жизни ещё не существовало. Что именно её муж собирался ей рассказать — и почему он так боялся сделать это сейчас?

Глава 2. Девушка

Следующие три дня Ева убеждала себя, что ничего не произошло. Это оказалось труднее, чем она ожидала. Сообщение, случайно вспыхнувшее на экране телефона Кирилла в день их годовщины, возвращалось к ней в самые неподходящие минуты. «Она приехала. Теперь скрывать это долго не получится». А за ним — голос Кирилла на балконе: «Я сам ей расскажу. Только не сейчас». Две короткие фразы, которые сами по себе могли означать что угодно, вместе почему-то меняли интонацию всего их брака.

Ева не устраивала допросов. Не проверяла его телефон и даже сердилась на себя всякий раз, когда ловила взгляд на аппарате, лежавшем экраном вниз. Раньше она не замечала, как Кирилл кладёт телефон. Теперь замечала. Сам Кирилл вёл себя как обычно. Утром спрашивал, успевает ли она позавтракать. Вечером рассказывал о поставщиках, сроках и одном заказчике, который трижды менял решение по фасаду. На второй день принёс домой её любимый хлеб из пекарни. На третий написал среди дня: «Буду поздно. Не жди с ужином».

Ничего подозрительного. Именно это и было подозрительно. До той недели Ева не знала, что спокойствие можно рассматривать под увеличительным стеклом. Стоило усомниться один раз — и знакомые мелочи начинали выглядеть уликами. Пауза перед ответом. Незнакомый номер. Слишком короткий разговор в коридоре. Даже обычная усталость мужа вдруг казалась следствием другой жизни, в которой для неё не было места. Она ненавидела это состояние.

В четверг после обеда Ева вышла со встречи раньше, чем планировала. Заказчик, с которым она обсуждала квартиру в старом доме, неожиданно согласовал почти все решения, и вместо двух часов спора понадобилось сорок минут. Ева оказалась в центре города с редким ощущением подаренного времени.

Она решила пройти несколько кварталов пешком. Сентябрь был ещё тёплым, но воздух уже стал прозрачнее, и в нём появилось то едва уловимое охлаждение, которое обещает скорую осень. Ева шла медленно, разглядывая витрины. В одном магазине увидела настольную лампу, мысленно примерила её к новому проекту и даже вернулась на несколько шагов, чтобы сфотографировать. И тогда увидела Кирилла. Он стоял у небольшого кафе через дорогу.

Сначала Ева узнала только фигуру — тёмно-синий пиджак, серые брюки, привычную манеру чуть наклонять голову, когда слушал собеседника. Она даже успела улыбнуться. Первая мысль была простой и почти радостной: сейчас она перейдёт улицу, подойдёт сзади, закроет ему ладонями глаза и спросит, с кем это он сбегал пить кофе посреди рабочего дня. Потом из дверей кафе вышла девушка. Ей было не больше двадцати. Светлые волосы собраны небрежно, через плечо маленькая сумка, на ней короткая кожаная куртка и широкие джинсы. Совсем юная — настолько, что первая мысль Евы об измене показалась почти нелепой.

Девушка увидела Кирилла и сразу обняла его. Не формально, не по-приятельски. Она прижалась к нему всем телом и на несколько секунд спрятала лицо у него на груди. Кирилл обнял её в ответ. Ева остановилась.

Между ней и ними было четыре полосы дороги, поток машин и стекло автобусной остановки, но она видела достаточно ясно. Кирилл что-то сказал. Девушка подняла голову. На лице у неё было выражение, которое Ева не смогла разобрать — то ли облегчение, то ли обида. Потом Кирилл коснулся её волос, убрал прядь со щеки и провёл ладонью по макушке тем мягким, почти привычным движением, которого Ева прежде у него не видела. У неё похолодели пальцы.

Это не было похоже на встречу любовников. Но и на деловую встречу это не походило точно. Девушка сказала что-то быстро, с нажимом. Кирилл ответил. Она покачала головой. Он достал из кармана телефон, показал ей экран, затем убрал аппарат и снова что-то сказал. Теперь уже короче. Девушка внезапно взяла его за руку. Ева почувствовала, как внутри под-

нимается глухая волна. Не ревность ещё. Скорее протест против того, что она видит сцену, смысл которой ей неизвестен, а Кирилл, её муж, явно этот смысл знает.

Она могла перейти улицу. Могла окликнуть его. Могла просто встать рядом и сказать: «Познакомишь?» Ева не сделала ничего. Она отступила на шаг за стеклянную стенку остановки, почти машинально, как человек, который заметил себя в чужом зеркале и не хочет быть замеченным в ответ. И тут ей стало стыдно. Не перед Кириллом — перед собой. За то, что прячется. За то, что смотрит. За то, что несколько дней назад рассуждала о доверии, а теперь следит за мужем через дорогу.

Но уйти тоже не смогла. Кирилл достал из внутреннего кармана пиджака белый конверт. Девушка не взяла его сразу. Что-то спросила. Кирилл произнёс несколько слов и вложил конверт ей в руку почти насильно. Она опустила глаза. Потом снова обняла его — на этот раз быстро. Он поцеловал её в висок. Ева отвернулась. Такси она вызвала с соседней улицы. Пока машина ехала, Ева смотрела на собственные руки. Они лежали на коленях совершенно спокойно. Ей даже стало странно, что тело не выдаёт происходящего. Не дрожит, не холодеет, не требует немедленно что-то сделать.

— Вам нормально? — спросил водитель, поймав её взгляд в зеркале.

— Да.

Она ответила слишком быстро. Телефон лежал в сумке. Ева несколько раз думала написать Кириллу: «Где ты?» — и каждый раз останавливала себя. Если спросить сейчас, он поймёт, что она что-то знает. Если не спрашивать — у неё останется возможность услышать его версию позже, когда он не будет готов к проверке. Мысль была неприятной своей расчётливостью. Раньше ей не приходилось ловить мужа на лжи. И она вдруг поняла, что хочет не объяснения. Она хочет факта.

Домой Кирилл приехал около восьми. Ева была на кухне. На столе лежали образцы тканей, хотя последние двадцать минут она не читала маркировку и не различала оттенков. Она услышала, как повернулся ключ, как Кирилл поставил портфель на пол и снял пальто.

— Ты дома? — крикнул он из прихожей.

— На кухне.

Он вошёл, подошёл сзади и легко поцеловал её в висок. От этого жеста Еве стало почти физически больно. Несколько часов назад он точно так же — нет, не точно, иначе — коснулся губами виска той девушки.

— Как день? — спросил Кирилл.

— Нормально. Встреча закончилась раньше. Немного прошлась.

Он открыл холодильник, достал воду.

— Повезло. У меня всё наоборот. Как начал с утра, так только сейчас выдохнул.

Ева опустила взгляд на ткань. Сейчас. Нужно было спросить сейчас — спокойно, между делом, без обвинения.

— Ты весь день был на работе?

Кирилл отпил воду и кивнул.

— Почти. До обеда в офисе, потом встречался с подрядчиком. У них опять смета поползла. После этого вернулся в офис.

Ева подняла глаза.

— И всё?

Вопрос прозвучал чуть тише, чем она хотела. Кирилл посмотрел на неё внимательнее.

— А что ещё?

Всего одна секунда. Может быть, даже меньше. Но Ева увидела эту паузу.

— Ничего, — сказала она. — Просто спрашиваю.

Он ещё мгновение смотрел на неё, потом пожал плечами.

— День как день. Почему?

Вот теперь можно было сказать. Я видела тебя. Кто эта девушка? Почему ты её обнимал? Почему она держала тебя за руку? Что было в конверте? Ева представила, как произнесёт эти вопросы, и почти услышала ответы. Случайная знакомая. Дочь партнёра. Сотрудница. Девушка, которой нужна помощь. Всё могло оказаться простым, пока он не солгал о самом факте встречи. Она улыбнулась — едва заметно, только чтобы лицо перестало быть напряжённым.

— Потому что ты выглядишь усталым.

Кирилл выдохнул и поставил бутылку на стол.

— Это уже хроническое.

Он сел напротив. Несколько секунд они молчали. Ева смотрела на мужа, с которым прожила шестнадцать лет, и пыталась совместить двух людей: Кирилла, сидящего перед ней на кухне, и мужчину у кафе, осторожно поправляющего волосы юной девушки. Совместить не получалось.

— Заказать что-нибудь? — спросил он. — Я сегодня ничего нормального не ел.

— Закажи.

— Тебе как обычно?

— Да.

Он взял телефон. Экран загорелся в его руке. На секунду Ева увидела список уведомлений, но не прочитала ни одного. И вдруг отчётливо поняла, что ещё неделю назад даже не попыталась бы прочитать. Кирилл открыл приложение доставки и спросил:

— Итальянское?

— Хорошо.

Он выбирал еду, иногда показывая ей экран. Всё было обыденно, почти уютно. Так они делали сотни раз. Спорили, какой салат взять. Убирали из заказа оливки, которые Ева не любила. Кирилл предложил десерт, она отказалась, потом передумала. И всё это время между ними сидела незнакомая девушка. Не настоящая — невидимая. Но от этого не менее реальная. После ужина Кирилл ушёл в душ. Его телефон остался на тумбе в спальне. Ева вошла туда за книгой и остановилась.

Телефон лежал в двух шагах. Она знала пароль. Они никогда не скрывали друг от друга пароли — не потому, что проверяли, а потому, что это казалось неважным. Иногда Кирилл просил её ответить на звонок. Иногда она брала его телефон, чтобы найти фотографию или адрес. Нужно было только протянуть руку. Ева стояла неподвижно. Из ванной доносился шум воды. Она представила, как открывает переписку, ищет имя, читает сообщения. Представила, как легко можно узнать всё за несколько минут.

И не прикоснулась к телефону. Не из благородства. Просто понимала: если сделает это, назад дороги не будет. Даже если ничего не найдёт, сама уже станет частью той лжи, против которой сейчас внутренне протестовала. Ева взяла книгу и вышла. Ночью Кирилл уснул быстро. Она лежала рядом, глядя в темноту. В голове снова возникала сцена у кафе. Девушка, шагнувшая к Кириллу без колебаний. Его ладонь на её волосах. Конверт. Поцелуй в висок.

Но самым страшным было уже не это. Если бы Кирилл вечером сказал: «Я виделся с одной девушкой, ей нужна была моя помощь», Ева могла бы злиться, ревновать, требовать объяснений. Могла бы не поверить объяснению. Могла бы устроить скандал. Но он сказал, что был на работе. То есть выбрал ложь раньше, чем она задала настоящий вопрос. Ева повернула голову. Кирилл спал на спине. Лицо в темноте казалось спокойным и знакомым. Она знала эту линию бровей, шрам у виска, появившийся ещё до их знакомства, привычку слегка сжимать губы во сне.

Шестнадцать лет рядом с человеком дают странную иллюзию: кажется, что ты знаешь не только его прошлое, но и все возможные версии будущего. Ева впервые подумала, что, возможно, не знает даже настоящего. Она вспомнила сообщение.

«Она приехала».

Теперь у этой фразы появилось лицо. Молодое. Светловолосое. Слишком юное для соперницы — и всё же достаточно близкое Кириллу, чтобы он солгал о встрече с ней собственной жене. Ева закрыла глаза. До сегодняшнего дня у неё были подозрения. Теперь появился факт. Кирилл ей лгал.

Глава 3. Усадьба

Утром Ева проснулась раньше будильника и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в сероватый потолок. Рядом ровно дышал Кирилл. Во сне его лицо казалось моложе, почти тем же, каким она помнила его в первые годы их брака. Тогда ей нравилась его спокойная уверенность: рядом с ним можно было не проверять, закрыта ли дверь, оплачены ли счета, куплены ли билеты. Он всегда помнил. Всегда держал слово. Всегда был там, где говорил, что находится.

Теперь последняя мысль больно зацепилась за память. Вчера вечером он сказал, что был на объекте за городом. А Ева своими глазами видела его возле кафе в центре, рядом с молодой девушкой, которая обняла его так, будто имела на это право. Ева осторожно встала, чтобы не разбудить мужа, и ушла на кухню. Она налила воду в кофемашину, нажала кнопку и поймала себя на том, что прислушивается к каждому звуку из спальни. Ей хотелось, чтобы Кирилл вошёл сейчас, обнял её сзади и вдруг сказал правду. Любую. Даже неприятную. Лишь бы правда снова вернула миру привычные очертания.

Но Кирилл появился только через двадцать минут, уже одетый, собранный и совершенно спокойный. Поцеловал её в висок, спросил, во сколько встреча с новым заказчиком, и напомнил, что вечером у него совещание. Ева ответила так же спокойно. Они обменялись несколькими фразами о погоде, ремонте машины и забытом в химчистке пиджаке — и оба будто старательно обходили место, где между ними уже появилась трещина. Новый заказ был как нельзя кстати. Еве требовалось пространство, в котором Кирилл хотя бы на несколько часов перестанет быть центром её мыслей.

Усадьба находилась примерно в сорока километрах от города, за старой липовой аллеей, которая начиналась сразу после поворота с шоссе. Навигатор дважды предлагал Еве развернуться, будто не верил, что дорога, покрытая мокрыми листьями и мелким гравием, вообще куда-то ведёт. Потом деревья расступились, и впереди показался двухэтажный дом с широкой лестницей и четырьмя светлыми колоннами.

Первое впечатление оказалось странным. Дом был красив, но не торжественен. Он не производил впечатления музейной декорации и не просил восхищения. Скорее стоял в глубине парка, немного усталый, с потемневшей штукатуркой, заколоченным боковым окном и плющом, который уже почти добрался до второго этажа, словно долго ждал, когда кто-нибудь наконец решит, что делать с его прошлым.

Ева выключила двигатель и ещё несколько минут не выходила из машины. Ей всегда было важно увидеть объект до того, как заказчик начнёт объяснять, каким он должен стать. Люди слишком быстро заражали пространство собственными желаниями: здесь будет ресторан, здесь библиотека, здесь люкс, здесь фотозона. А дом сначала следовало услышать без них. Она вышла, достала из багажника папку с эскизами и планшет. Воздух пах мокрой корой и холодным камнем. Где-то за домом работала техника, но перед фасадом было почти тихо.

— Ева Ланская? — раздался мужской голос.

Она обернулась. От боковой дорожки к ней шёл мужчина в тёмном пальто без галстука. Высокий, худощавый, с немного резкими чертами лица и внимательным взглядом, который не скользил по человеку, а будто задерживался на деталях. Еве хватило нескольких секунд, чтобы узнать его по фотографии из переписки.

— Алекс Гордин?

— Значит, мы оба похожи на свои фотографии. Уже неплохо.

Он протянул руку. Ладонь была тёплой, рукопожатие коротким. Ни подчёркнутой любезности, ни той привычной мужской оценки, которую Ева слишком хорошо научилась замечать за годы работы с состоятельными заказчиками.

— Вы приехали раньше, — сказал Алекс.

— На семь минут.

— Для творческого человека почти подозрительная пунктуальность.

— Я дизайнер, а не легенда о дизайнере.

На его лице мелькнула улыбка.

— Тогда пойдёмте смотреть дом до того, как нас найдут строители и начнут объяснять, почему ничего нельзя сделать.

Внутри усадьба оказалась больше, чем представлялась снаружи. Вестибюль переходил в анфиладу комнат, где местами сохранился старый паркет, а под слоями более поздней краски проступали фрагменты лепнины. На стенах были отметки реставраторов. Несколько дверей сняли с петель и прислонили к стенам. В воздухе стоял запах извести, дерева и сырости.

Алекс шёл чуть впереди и говорил мало. Это понравилось Еве. Он не пытался сразу продать ей собственную идею дома, не произносил слово «атмосфера» каждые две минуты и не требовал сделать «дорого, но чтобы не выглядело дорого». Он просто показал основные помещения и объяснил задачу.

— Здесь будет культурный центр. Небольшая галерея, лекционный зал, библиотека. В правом крыле — гостиничная часть. Всего двенадцать номеров. Ресторан я не хочу. Только камерное кафе и кухня для мероприятий.

— А строительная часть?

— Отдельный подрядчик. Они отвечают за конструкции, инженерные сети и сроки. Вы — за интерьерную и художественную концепцию. Мне не нужен дизайнер, который будет спорить со строителями о марке бетона. Мне нужен человек, который поймёт, чем этот дом должен стать.

Ева остановилась у окна. За стеклом был виден заросший сад и круглый пруд с тёмной водой.

— А вы сами понимаете?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, чтобы быть кокетством. Ева посмотрела на него.

— Обычно заказчики не признаются в этом на первой встрече.

— Обычно заказчики нанимают людей, чтобы те подтвердили уже принятое решение. Я нанял вас для другого.

Они поднялись на второй этаж. В одной из комнат Ева задержалась дольше. Здесь сохранилась печь с зелёными изразцами, часть потолочной розетки и широкая двустворчатая дверь. Комната была почти пустой, если не считать строительных лесов и старого кресла, которое кто-то почему-то не вынес.

— Это нужно сохранить, — сказала Ева.

— Что именно?

— Не конкретно кресло. Состояние. Ощущение, что дом не вылизали до полной потери памяти.

— А гостиничные номера тоже предложите оставить с пятнами на стенах?

— Если вы хотите получить тематический хостел для любителей плесени — можно.

Алекс усмехнулся.

— Значит, чувство юмора в смету не входит?

— Оно оплачивается отдельно.

Впервые за последние дни Ева засмеялась не из вежливости. Смех получился коротким, но настоящим. И почти сразу она почувствовала странную вину, будто хорошее настроение само по себе было предательством тревоги, оставшейся дома. Они прошли ещё несколько комнат, потом спустились в небольшую гостиную на первом этаже, где для встречи поставили временный стол и два кресла. Ева разложила эскизы. Она подготовила три направления: более

классическое, современное и смешанное, где исторические детали должны были соседствовать с лаконичной мебелью и современным искусством.

Алекс просмотрел первый вариант быстро. Второй — внимательнее. На третьем задержался.

— Этот лучше.

— Я тоже так думаю.

— Но всё равно слишком безопасно.

Ева подняла глаза.

— Простите?

Он развернул планшет к ней и коснулся пальцем изображения главного холла.

— Всё красиво. Правильно. Никто не возмутится. Никто не скажет, что вы ошиблись. Через пять лет это всё ещё будет хорошо выглядеть на фотографиях.

— Звучит как комплимент.

— Нет. Как диагноз.

Ева медленно сложила руки на груди.

— И что именно вы предлагаете? Разрушить половину стен ради смелости? Покрасить лепнину в чёрный?

— Я предлагаю не бояться дома.

— Я его не боюсь.

— Тогда почему пытаетесь сделать так, чтобы он никого не тревожил?

Фраза задела её сильнее, чем должна была. Возможно, потому что последние дни слово «тревога» и без того жило где-то под кожей.

— Вы хотите культурный центр и гостиницу, — сказала Ева. — Люди должны чувствовать себя здесь комфортно.

— Комфортно — не значит безразлично.

— А безопасность вас вообще пугает?

Алекс откинулся на спинку кресла. Несколько секунд он молчал, будто решал, насколько серьёзно отвечать.

— Нет. Просто иногда безопасность — это другое название страха.

Ева посмотрела на него внимательнее.

— Красиво сказано.

— Вы сейчас хотите сказать «банально».

— Я сейчас хочу сказать, что человеку, который вкладывает деньги в реконструкцию аварийного здания, легко рассуждать о пользе риска.

— А человеку, который строит чужие пространства, легко прятаться за вкусом клиента.

Это уже было почти грубо. Ева почувствовала раздражение — чистое, профессиональное, даже приятное после липкой домашней тревоги.

— Если вы хотели человека, который будет соглашаться с каждой вашей эффектной мыслью, вы выбрали не того дизайнера.

— Именно поэтому и выбрал вас.

Она замолчала. Алекс сказал это совершенно спокойно, без попытки смягчить предыдущую реплику. И это неожиданно обезоружило.

— Я видел четыре ваших проекта, — продолжил он. — В двух вы сделали то, чего заказчики явно боялись. И оба получились лучше остальных. Здесь вы почему-то осторожничаете.

— Потому что здесь есть что потерять.

— Вот. Наконец-то.

— Что «наконец-то»?

— Вы начали говорить о доме, а не защищать презентацию.

Ева хотела возразить, но не стала. В его замечании была доля правды, а больше всего её раздражали именно те замечания, в которых эта доля присутствовала. Она снова посмотрела на план первого этажа.

— Хорошо. Я переработаю концепцию главного холла и библиотеки. Но исторические элементы не стану превращать в аттракцион. Дом не должен кричать о своём возрасте.

— Согласен.

— И я не буду делать интерьер ради фотографий в социальных сетях.

— Ещё лучше.

— А если вы ещё раз назовёте мою работу безопасной до того, как увидите следующий вариант, я увеличу гонорар.

— Это уже шантаж.

— Это управление рисками.

Он рассмеялся. На этот раз открыто. Встреча закончилась через два часа. Когда Ева вышла на крыльцо, дождь уже прекратился. Над парком висел холодный свет, от которого мокрые стволы деревьев казались почти чёрными. Алекс вышел следом.

— Я пришлю вам доступ к архиву по дому. Там старые планы и фотографии. Возможно, что-то пригодится.

— Хорошо.

— И, Ева...

Она обернулась.

— Я действительно выбрал ваш проект не для того, чтобы потом переделать его под себя.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Просто предупреждаю: спорить я всё равно буду.

— Тогда хотя бы честно.

Слово вырвалось раньше, чем она успела его остановить. Алекс чуть прищурился, но ничего не спросил. Ева спустилась по ступеням к машине. Уже открывая дверь, она ещё раз посмотрела на дом. Несколько часов назад усадьба показалась ей просто сложным и интересным объектом. Теперь в ней появилось что-то личное, хотя Ева не смогла бы объяснить что именно. По дороге назад телефон дважды лежавший на соседнем сиденье загорался от рабочих сообщений. Ева каждый раз невольно бросала на экран взгляд, ожидая увидеть имя Кирилла.

Он не писал. И только тогда она поняла, что слова Алекса продолжают звучать у неё в голове не потому, что относились к проекту. Иногда безопасность — это просто другое название страха. Шестнадцать лет Ева считала свой брак безопасным. Впервые ей пришло в голову спросить себя, не потому ли она так долго не замечала в нём того, чего боялась увидеть.

Глава 4. Вторая ложь

После разговора с Алексом Ева ещё долго не могла сосредоточиться на чертежах. Фраза о безопасности засела в голове и раздражала именно потому, что была сказана слишком спокойно. Она не любила, когда незнакомые люди случайно попадали в то место, куда она сама старалась не смотреть. До вечера она оставалась в усадьбе, проверяла размеры будущего выставочного зала, спорила с инженером о проёмах и дважды переделывала схему освещения. Работа обычно помогала ей выстроить мысли в ровные линии. Сегодня линии не слушались.

Перед глазами снова возникало кафе, стеклянная витрина, Кирилл и молодая девушка рядом с ним. Ева помнила, как та обняла его. Помнила его ладонь на её волосах. И особенно ясно — ответ мужа вечером: он был на встрече совсем в другом конце города. Она пыталась придумать объяснение, которое вернуло бы всё на прежнее место. Клиентка. Дочь партнёра. Девочка, которой он помогает. Родственница, о которой почему-то никогда не рассказывал. Любая из этих версий была бы приемлемой, если бы не одно: Кирилл солгал о том, где находился.

Домой Ева приехала позже обычного. В квартире пахло жареным розмарином и мясом. Кирилл стоял у кухонного острова в тёмной футболке, разливая вино по бокалам. На столе горели две тонкие свечи — не празднично, а так, как он иногда делал в будние дни, когда хотел, чтобы вечер выглядел спокойнее, чем был на самом деле.

— Ты сегодня поздно, — сказал он.

— Усадьба забирает больше времени, чем я рассчитывала.

— Уже жалеешь, что взялась?

— Пока нет.

Кирилл улыбнулся и подвинул к ней бокал. Всё было привычным: его голос, движения, лёгкая складка между бровями, появлявшаяся, когда он устал. Ева смотрела на него и вдруг с неприятной ясностью поняла, как мало человеку нужно для того, чтобы казаться знакомым. Иногда достаточно просто повторять одни и те же жесты много лет. Она сняла серьги, положила их рядом с телефоном и села напротив.

— Кирилл, я хочу тебя кое о чём спросить.

Он поднял глаза не сразу.

— Спрашивай.

Ева отпила воды. Вино она не тронула.

— Несколько дней назад я видела тебя возле кафе на Петровской.

Пауза была короткой. Настолько короткой, что её можно было не заметить. Но Ева заметила. Кирилл поставил вилку на край тарелки.

— Меня?

— Тебя.

— На Петровской?

— Да.

Он нахмурился, словно пытался восстановить в памяти расписание.

— Наверное, ты ошиблась.

Ева смотрела ему в лицо.

— Я редко ошибаюсь в том, как выглядит мой муж.

Кирилл чуть усмехнулся, но улыбка получилась усталой.

— Я ни с кем там не встречался.

Вот она, подумала Ева. Не недоговорённость. Не случайно забытая деталь. Не удобная версия. Прямое отрицание. Она могла сказать: я видела девушку. Могла описать её светлые

волосы, короткое пальто, то, как она прижалась к нему, а он коснулся её головы. Могла заставить Кирилла искать новую ложь прямо сейчас. Но почему-то не сказала.

— Значит, показалось, — произнесла Ева.

Кирилл посмотрел на неё внимательнее.

— Ты из-за этого несколько дней сама не своя?

— Я не сама не своя.

— Ева.

В его голосе было то мягкое терпение, которое раньше почти всегда разоружало её. Он умел произносить её имя так, будто между ними уже состоялся разговор и теперь оставалось только вернуться к разумному.

— Всё нормально, — сказала она.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Теперь солгала она. От этого стало неожиданно холодно. Кирилл потянулся через стол и накрыл её руку своей.

— У меня сейчас сложный период на работе. Возможно, я действительно был где-то рядом и просто не вспомнил. Но никакой встречи, о которой тебе стоило бы беспокоиться, не было.

Фраза прозвучала почти безупречно. В ней даже содержалась уступка: возможно, он был рядом. Только эта уступка появилась слишком поздно — после того, как он уже сказал, что она ошиблась.

— Я поняла, — ответила Ева.

Она не убрала руку. Это было бы слишком заметно. Они продолжили ужинать. Кирилл рассказывал о поставщике, сорвавшем срок, о новом объекте, о переговорах с банком. Ева задавала вопросы в нужных местах и даже несколько раз улыбнулась. Со стороны они выглядели обычной супружеской парой, прожившей вместе достаточно долго, чтобы ужин не требовал усилий. Но внутри этой привычности уже появилось что-то новое: невидимая перегородка, которую оба делали вид, что не замечают.

Позже Кирилл ушёл в кабинет отвечать на письма. Ева осталась в гостиной. Телевизор работал без звука. По экрану двигались люди, сменялись лица, кто-то смеялся, кто-то спорил, но всё это казалось происходящим в другой реальности. На журнальном столике лежал телефон Кирилла. Он оставил его там впервые за несколько дней. Ева заметила это сразу.

До сообщения в годовщину свадьбы она никогда не думала о его телефоне как о предмете, который можно проверять. У Кирилла был пароль, как у неё, и за шестнадцать лет ни одному из них не приходило в голову просить его у другого. Не потому, что они были особенно принципиальны. Просто доверие экономит огромное количество времени. Теперь телефон лежал в двух шагах. Ева могла взять его. Она даже знала код. Несколько месяцев назад Кирилл называл его, когда просил открыть навигатор за рулём. Четыре цифры всплыли в памяти с пугающей лёгкостью.

Она протянула руку и остановилась. Если открыть телефон, назад уже не будет той Евы, которая считала подобное унижением. Даже если она ничего не найдёт. Даже если Кирилл окажется невиноват во всём, что ей мерещилось. Из кабинета донёсся его голос. Он говорил с кем-то по громкой связи о смете. Ева медленно убрала руку. Нет. Пока нет.

Она встала и подошла к окну. В стекле отражалась женщина в светлой рубашке, с собранными волосами и слишком прямой спиной. Ева вдруг подумала, что подозрение меняет человека раньше, чем появляется доказательство. Оно заставляет слышать паузы, считать секунды, запоминать интонации. Оно превращает любовь в работу следователя. Ей стало противно от самой себя. Но ещё сильнее — от мысли, что, возможно, Кирилл рассчитывает именно на это. На её воспитанность. На шестнадцать лет доверия. На то, что она постыдится проверить.

Телефон на столе коротко засветился. Ева не двинулась с места. Экран погас раньше, чем она успела разобрать имя отправителя. Через минуту Кирилл вышел из кабинета, увидел телефон, взял его и машинально перевернул экраном вниз. Движение было простым. Почти бессознательным. Раньше Ева никогда не замечала, как он кладёт телефон. Теперь заметила.

— Устал? — спросила она.

— Есть немного.

— Тогда ложись раньше.

Он подошёл, поцеловал её в висок и задержался на секунду.

— Ты точно в порядке?

Ева посмотрела на человека, с которым прожила шестнадцать лет. Ей хотелось сказать: нет. Я видела тебя. Видела её. Слышала, как ты сказал, что сам мне всё расскажешь. И сейчас ты снова лжёшь мне в лицо. Вместо этого она улыбнулась.

— Конечно.

Кирилл ушёл в спальню. Ева осталась у окна. Она вдруг ясно поняла, что сегодня произошло нечто большее, чем очередная ложь мужа. До этого момента тайна принадлежала Кириллу. Теперь у Евы тоже появилась своя. Она знала, что видела его с другой женщиной. Знала, что он это отрицает. И решила не говорить ему, насколько много знает. В их браке впервые возникли две версии одной жизни. И ни одна из них уже не была безопасной.

Глава 5. Переводы

На следующее утро Ева проснулась раньше будильника. Кирилл спал рядом, повернувшись к окну, и в сером предрассветном свете его лицо казалось непривычно усталым. Несколько секунд она смотрела на него так, как смотрят на человека в поезде, когда знают, что скоро придётся выйти на другой станции. Ей стало страшно от самой этой мысли, и она отвернулась.

За шестнадцать лет брака у них сложилась почти безошибочная система мелочей. Кирилл покупал кофе той марки, которую она любила, даже если в магазине приходилось искать его на другой полке. Ева знала, что он не переносит открытое окно ночью, зато всегда оставляет щель в спальне перед сном. Они не спрашивали, кому сегодня заехать за продуктами, кто оплатил страховку или когда заканчивается договор с домработницей. Всё было устроено так, будто доверие однажды внесли в семейный фундамент и больше не проверяли.

Теперь Ева впервые подумала: возможно, надёжность их жизни была не фундаментом, а хорошо сделанной отделкой. Она тихо встала, накинула халат и ушла на кухню. Телефон лежал на столе. На экране светилось несколько рабочих уведомлений, письмо от поставщика плитки и напоминание банка о ежемесячной выписке по семейному счёту.

Раньше такие письма она почти не открывала. Финансы у них никогда не были поводом для взаимного контроля. У каждого имелись личные счета, но крупные расходы, дом, путешествия, страховки и часть бытовых платежей шли с общего. Кирилл вёл основную бухгалтерию, а Ева раз в несколько месяцев просматривала цифры скорее из профессиональной привычки к порядку, чем из необходимости. Она нажала на уведомление.

Сначала всё выглядело знакомо: коммунальные платежи, ресторан в день годовщины, строительный гипермаркет, оплата её подписки на профессиональную программу, перевод клининговой компании. Ева медленно листала список, чувствуя себя нелепо. Будто искала доказательство преступления среди чеков за воду и электричество. Потом взгляд остановился на строке: «Елизавета М. — 45 000». Назначение платежа отсутствовало. Она нахмурилась.

Сумма сама по себе не была большой для их семьи. Кирилл мог оплатить работу переводом, помочь сотруднику, вернуть чей-то долг. Но имя заставило Еву вспомнить девушку у кафе. Она не знала, как её зовут. До этой минуты ей даже не приходило в голову искать имя. Ева открыла детали операции. Перевод был сделан три дня назад. Сердце ударило чуть сильнее. Она вернулась к предыдущему месяцу. Елизавета М. — сорок пять тысяч. Ещё месяц назад — сорок пять.

Ещё — сорок пять. Ева перестала дышать ровно. Она села за кухонный остров, положила телефон перед собой и начала искать дальше. Переводы повторялись почти в одни и те же числа. Иногда сумма была меньше. Иногда значительно больше. В августе прошлого года — сто двадцать тысяч. В декабре — восемьдесят. Весной — отдельный перевод с пометкой «учёба».

— Что за чёрт... — прошептала она.

Она пролистала выписки ещё глубже. Год. Полтора. Два. Елизавета существовала в их семейных расходах задолго до того утра, когда Ева впервые увидела это имя. Некоторые платежи шли не с общего счёта, а появлялись в сводной истории как переводы Кирилла с карты, которую он использовал для личных трат. Значит, раньше Ева могла их просто не заметить. Или не захотеть замечать. Она открыла поиск по операциям и ввела имя. Список растянулся на несколько экранов.

Самый старый доступный перевод был сделан четыре года назад. Ева долго смотрела на дату. Четыре года — это не случайная помощь. Не разовый долг. Не подарок дочери партнёра. Из спальни слышались шаги. Она быстро заблокировала телефон, но тут же разозлилась на себя за этот рефлекс. Почему она должна прятать то, что увидела на собственном семейном

счёте? Кирилл вошёл на кухню в футболке и домашних брюках, взъерошенный после сна. Подошёл к кофемашине, нажал кнопку и только потом посмотрел на Еву.

— Ты чего так рано?

— Не спалось.

— Из-за усадьбы?

Она почти рассмеялась. Как удобно теперь было объяснять усадьбой всё, что происходило с ней.

— Наверное.

Кирилл налил воду, выпил несколько глотков и подошёл ближе.

— Не бери на себя слишком много. Ты всегда сначала соглашаешься, потом пытаешься сделать лучше, чем от тебя вообще ждут.

— А ты всегда знаешь, чего от тебя ждут?

Он задержал взгляд на её лице.

— Это вопрос с подвохом?

— Просто вопрос.

Кирилл сел напротив. Между ними лежал телефон Евы, и ей вдруг показалось, что он занимает половину стола.

— Ева, если тебя что-то тревожит, скажи.

Вот оно. Можно было спросить сейчас. «Кто такая Елизавета?» Одно предложение — и, возможно, всё закончилось бы. Или началось бы по-настоящему. Но в памяти всплыло спокойное лицо Кирилла вечером: «Ты ошиблась. Я ни с кем не встречался». Он сказал это без заминки, хотя Ева видела его собственными глазами. Если человек уже соврал один раз, подумала она, бессмысленно задавать следующий вопрос, пока не знаешь хотя бы части ответа.

— Ничего, — сказала Ева. — Просто устала.

Кирилл протянул руку и накрыл её пальцы своими. Жест был привычным, тёплым, почти нежным. И именно поэтому ей захотелось отдернуть руку. Она не сделала этого. После завтрака Кирилл уехал первым. У двери он поцеловал её в висок и напомнил, что вечером у него встреча с подрядчиками. Ева кивнула, не уточняя с какими. Когда за ним закрылась дверь, квартира мгновенно стала слишком тихой. Ева вернулась к телефону.

Она знала, что делает вещь, которую ещё неделю назад сочла бы унижительной. Начала искать молодую девушку по имени Елизавета среди подписчиков Кирилла, отметок на фотографиях, открытых страниц общих знакомых. Поиск был почти бессмысленным: фамилии она не знала, буква «М» могла означать что угодно. Через двадцать минут Ева закрыла социальные сети. Там были десятки Лиз, Елизавет и Лизавет, и ни одна не походила на девушку у кафе настолько, чтобы она могла сказать наверняка.

Она пошла в душ, собралась на работу и попыталась вернуть себе нормальный ритм. На студийном столе её ждали образцы дерева для усадьбы, три варианта ткани для гостиничных номеров и сообщение от Алекса: «Если будете сегодня на объекте, покажу второй этаж до того, как его окончательно разберут». Ева прочитала и не ответила сразу. Странно, но мысль об усадьбе принесла облегчение. Там хотя бы были стены, которые можно вскрыть, понять, укрепить или снести. С людьми всё оказалось сложнее.

В студии она продержалась до обеда. Потом открыла банковское приложение снова. Теперь она смотрела не на суммы, а на даты. В сентябре четыре года назад — первый доступный перевод. Через месяц второй. Потом третий. Ровно, системно, почти по расписанию. Если Лизе сейчас около двадцати, четыре года назад ей было пятнадцать-шестнадцать. Ева замерла. Мысль появилась не сразу. Сначала как нелепая математическая возможность, потом начала обрастать деталями.

Кириллу сорок три. Двадцать лет назад ему было двадцать три. Девушке у кафе — девятнадцать, максимум двадцать. Он мог быть её отцом. Ева откинулась на спинку кресла. Нет.

Она почти вслух произнесла это слово. Нет, потому что тогда он должен был скрывать ребёнка ещё до знакомства с ней. Нет, потому что шестнадцать лет брака невозможно прожить рядом с человеком и не заметить существования дочери. Нет, потому что Кирилл ездил с ней в отпуск, проводил выходные дома, никогда не исчезал на праздники, не путался в звонках, не прятал подарки.

А потом Ева вспомнила его руку на волосах девушки. Не движение любовника. Слишком спокойное. Слишком привычное. И объятие Лизы — не осторожное, не украденное, не похожее на встречу тайной пары. Она встала и подошла к окну. Версия, которую вчера она боялась представить, теперь вдруг стала почти логичной. Может быть, Кирилл не изменяет ей. Может быть, всё хуже. Потому что измена могла начаться недавно. А дочь существовала бы все эти годы.

Ева попыталась вспомнить начало их отношений. Кирилл никогда не рассказывал подробно о двадцатилетнем возрасте. Несколько историй об институте, первая работа, тяжёлые девяностые в семье, отец, который рано умер, мать, переехавшая позже к сестре. Ничего такого, что заставило бы её спросить: «А что было до меня?» Когда они познакомились, ему было двадцать семь. Еве — двадцать два. Он казался человеком уже сложившимся, взрослым, уверенным. Она влюбилась не в его прошлое, а в ощущение, что рядом с ним будущее перестает быть страшным.

Теперь оказалось, что прошлое могло всё это время сидеть с ними за одним столом невидимым третьим. Телефон завибрировал. Марина. Ева посмотрела на имя подруги и не ответила. Марина знала её почти столько же, сколько Кирилл. Именно ей Ева обычно рассказывала всё первой — ссоры, сомнения, странные мысли, которые самой казались смешными. Но сейчас она почему-то не захотела произносить подозрение вслух. Пока оно существовало только внутри, его ещё можно было отменить.

Она открыла чат с Кириллом.

«Кто такая Елизавета?»

Фраза простояла в строке несколько секунд. Ева стёрла её. Написала другое:

«Ты сегодня поздно?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Не думаю. Постараюсь к девяти. Всё нормально?»

Ева смотрела на последние два слова. Он спрашивал это уже не первый раз. Может быть, чувствовал, что она отдаляется. Может быть, боялся, что она узнала. А может быть, просто был мужем, который заметил настроение жены. Именно невозможность отличить одно от другого мучила сильнее всего. Вечером Ева достала из шкафа старую коробку с фотографиями. Там лежали снимки первых лет их брака, поездка в Прагу, море, ремонт первой квартиры, Новый год у друзей. Кирилл на всех фотографиях смотрел в объектив спокойно и открыто.

Она перебирала карточки, сама не зная, что ищет. На одном снимке Кириллу было около тридцати. Он стоял на балконе их первой квартиры, ещё без седины у висков, смеялся и держал в руках бутылку шампанского. На обороте её почерком было написано: «Первый Новый год дома». Ева провела пальцем по краю фотографии. Если у него уже тогда была дочь, где она встречала тот Новый год? С кем? Кирилл пришёл в половине девятого. Ева услышала ключ в замке и успела убрать коробку в шкаф. На этот раз она не испытала стыда за то, что что-то скрывает. Только холодную ясность.

— Привет, — сказал Кирилл, входя в комнату. — Я успел.

— Вижу.

Он снял пиджак, подошёл и поцеловал её.

— Закажем что-нибудь? Я сегодня не герой кухни.

— Давай.

Ева наблюдала, как он листает меню в телефоне. Тот самый телефон, на который в годовщину пришло сообщение: «Она приехала. Теперь скрывать это долго не получится». Она вдруг поняла, что до сих пор мысленно разделяла эти события: сообщение, девушка у кафе, ложь, деньги. Теперь они сложились в одну линию. Она приехала. Елизавета. Девушка, которой Кирилл переводит деньги несколько лет. Девушка, которую он обнимает так, будто имеет на это право.

Девушка, о которой жене не сказал ни слова. Ева подняла взгляд на мужа.

— Кирилл.

— М?

Вопрос был уже готов. Но она снова не задала его.

— Ничего. Давай итальянское.

Он кивнул и продолжил выбирать ресторан. Ева отвернулась к окну. Теперь у её страха появилось имя. Елизавета. И одна почти невыносимая догадка: возможно, у её мужа не любовница. Возможно, у него есть дочь.

Глава 6. Алекс

Через три дня Ева снова приехала в усадьбу. Утро было прозрачным, прохладным, и старый дом на фоне бледного неба казался строже, чем в их первую встречу. Рабочие уже сняли часть поздней обшивки с бокового фасада, открыв кирпич, потемневший от времени. На дворе пахло мокрой землёй, известью и свежеспиленным деревом. Ева остановилась у крыльца, прежде чем войти. Ей нравилось это короткое мгновение перед началом работы, когда здание ещё молчало и можно было представить, что именно оно попросит сохранить. Обычно в такие минуты она забывала обо всём остальном.

Сегодня не получилось. Телефон в сумке словно напоминал о себе одним своим присутствием. В нём оставались фотографии выписки, которые Ева сделала накануне вечером. Несколько переводов. Одно имя. Елизавета. И слишком много лет, о которых Кирилл ничего ей не сказал. Она заставила себя не доставать телефон. В большом зале Алекс стоял у окна с рулоном старых чертежей в руках. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами. Увидев Еву, он лишь кивнул — без привычной для многих заказчиков суеты, без вопроса, почему она приехала на семь минут позже согласованного времени.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Я нашёл кое-что, что вам не понравится.

— Тогда утро действительно начинается по плану.

Он улыбнулся краем губ и разложил на временном столе чертёж.

— Вот эта перегородка появилась в семидесятых. За ней, скорее всего, сохранилась первоначальная арка.

Ева наклонилась над бумагой.

— Если сохранилась, её нужно открыть.

— А как же безопасность?

Она подняла глаза.

— Вы собираетесь вспоминать эту фразу каждый раз, когда мы не согласны?

— Пока она работает.

— Тогда приготовьтесь разочароваться. Я не против риска. Я против бессмысленного риска.

— Уже лучше.

Ева выпрямилась.

— Что именно лучше?

— Ваш проект. И вы в нём.

Фраза прозвучала спокойно, почти деловым тоном, но Ева почувствовала лёгкое раздражение — прежде всего потому, что не сразу поняла, было ли это замечание профессиональным.

— Давайте договоримся, Алекс. Я здесь работаю.

— Я тоже.

— Тогда не анализируйте меня вместе с планировкой.

— Хорошо. Только планировку.

Он сказал это без обиды, и Еве почему-то стало неловко за собственную резкость. Они прошли в соседнюю комнату. Здесь уже сняли пластиковые панели, которыми кто-то когда-то пытался «осовременить» старые стены. Под ними обнаружилась лепнина — местами разбитая, местами удивительно целая. Ева провела пальцами по краю уцелевшего орнамента.

— Вот это оставляем.

— Даже трещины?

— Особенно трещины.

Алекс посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что идеально восстановленная вещь часто выглядит поддельной. Если убрать все следы времени, дом перестанет быть старым. Он станет декорацией под старину.

— Значит, шрамы вы уважаете больше, чем маскировку?

Она медленно убрала руку со стены.

— Мы сейчас опять говорим не о доме?

— Только о доме, — ответил он.

И всё же Ева почувствовала, как внутри что-то отозвалось. Она отвернулась к окну. В последние дни ей всё чаще казалось, что её собственная жизнь тоже оказалась комнатой, с которой внезапно сняли новую обшивку. Под ровной поверхностью обнаруживались трещины, старые слои, следы того, о чём она даже не подозревала. Шестнадцать лет брака.

Она знала, как Кирилл пьёт кофе. Знала, что он никогда не спит на спине и раздражается, если кто-то переставляет документы на его столе. Знала его любимую музыку, знала, как он молчит, когда сердится, и как касается её плеча, когда хочет помириться, но не готов произнести слово «прости». И не знала, кому он годами переводит деньги.

— Ева?

Она обернулась. Алекс стоял в нескольких шагах и ждал.

— Простите. Задумалась.

— Я заметил.

— И, разумеется, сделали вывод.

— Нет. На этот раз удержался.

Она невольно улыбнулась. Это было опасно — не потому, что между ними происходило что-то недозволенное. Наоборот. Алекс держал дистанцию точнее многих мужчин, с которыми Еве приходилось работать. Но рядом с ним ей почему-то хотелось отвечать не привычно и правильно, а честно. Они поднялись на второй этаж. В бывшей библиотеке пол был вскрыт, и две доски лежали поперёк комнаты, как мостки. Алекс первым прошёл к дальней стене, затем обернулся и протянул руку.

— Здесь осторожно.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь.

Ева шагнула на доску. Она действительно могла пройти сама, но дерево под ногой неожиданно качнулось. Алекс поймал её за локоть. Всего на секунду. Его ладонь была тёплой и твёрдой. Ева сразу выпрямилась, а он отпустил её раньше, чем прикосновение успело стать неловким.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Никакого многозначительного взгляда. Никакой улыбки. Почему-то именно это она заметила сильнее всего. У дальней стены Алекс показал ей остатки встроенного книжного шкафа.

— Его хотели снести.

— Кто?

— Подрядчик. Сказал, проще заказать новый.

— Проще — не значит лучше.

— Именно поэтому я вас и нанял.

Ева присела, рассматривая старые крепления.

— Каркас можно спасти. Фасады частично восстановить. Новое дерево придётся составлять, но не слишком тщательно. Разница должна быть видна.

— Вы всё время оставляете разницу между старым и новым.

— Конечно.

— Почему не сделать так, чтобы никто не заметил ремонта?

Ева посмотрела на него.

— Потому что я не люблю, когда реставрация притворяется отсутствием разрушения.

Алекс помолчал.

— Хорошая формулировка.

— Можете использовать в рекламном буклете.

— Я бы лучше оставил её вам.

Они спустились в сад. За домом начиналась длинная липовая аллея, заросшая по краям высокой травой. Часть деревьев была больна, и дендрологи уже отметили красной лентой те, которые придётся убрать. Ева шла медленно, фотографируя перспективы для будущего освещения. Алекс не мешал. Он вообще умел молчать так, что его присутствие не становилось тяжёлым.

— Вы всегда так работаете? — спросил он наконец.

— Как?

— Будто спорите с тем, что видите.

— Я не спорю. Я ищу, где пространство врёт.

— Пространство умеет врать?

— Люди умеют. Пространство только выдаёт их.

Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить. Алекс повернул голову.

— Это уже не про усадьбу.

Ева убрала телефон в карман.

— Считайте, что я превысила собственный лимит откровенности.

— У каждого он свой.

— А у вас высокий?

— Очень низкий.

— Не похоже.

— Потому что я хорошо умею говорить о вещах, которые ничего обо мне не объясняют.

Ева усмехнулась.

— Удобный навык.

— Иногда.

Он произнёс это слишком серьёзно. Ева впервые заметила, что за его спокойствием тоже есть какая-то закрытая дверь. До этого Алекс представлялся ей человеком, который слишком легко видит чужие слабости. Теперь она подумала, что, возможно, он замечает их именно потому, что привык тщательно прятать свои. Они дошли до старой каменной беседки. Крыша над ней давно провалилась, но колонны стояли.

— Её восстановим? — спросил Алекс.

Ева обошла беседку кругом.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она красивая именно такой.

— Разрушенной?

— Незавершённой.

— Это одно и то же?

— Нет.

Она посмотрела вверх, туда, где вместо крыши было осеннее небо.

— Разрушение — когда больше нечего продолжать. Незавершённость — когда ещё можно решить, что будет дальше.

Некоторое время Алекс молчал.

— Вы уверены, что занимаетесь интерьерами?

Ева рассмеялась — впервые за несколько дней легко, без усилия. И тут же почувствовала почти виноватую резкость этого смеха. Будто дома оставался Кирилл, переводы, неизвестная девушка, а здесь она позволяла себе на несколько минут забыть обо всём. Алекс заметил перемену в её лице.

— Что случилось?

— Ничего.

Он не стал спрашивать снова. Ева была ему за это благодарна. К полудню они вернулись в дом. Подрядчик принёс смету по центральной лестнице, и следующие сорок минут ушли на спор о породе дерева, сроках и стоимости. В работе Ева постепенно вернула себе привычную ясность. Здесь всё было честнее: если балка сгнила, её признавали сгнившей. Если стоимость превышала бюджет, цифры лежали перед всеми на столе. Никто не говорил, что находился в одном месте, если его видели в другом.

Когда подрядчик ушёл, Алекс закрыл папку.

— Кофе?

— Если нормальный.

— Вы требовательны.

— К кофе — да.

— А к людям?

Ева посмотрела на него предупреждающе.

— Вы обещали не анализировать.

— Я спросил.

— Это ещё опаснее.

Он принёс две чашки из небольшой комнаты, которую временно приспособили под офис. Кофе оказался действительно хорошим. Они сели у окна. Снаружи рабочие разгружали доски, и весь пейзаж был лишён романтики — пыль, строительная сетка, открытый кузов грузовика. Еве это нравилось. Настоящие изменения почти никогда не выглядят красиво в процессе.

— Вы сказали в прошлый раз, что старый дом нельзя сделать новым, — произнесла она.

— Говорил.

— А если старое уже не устраивает?

Алекс не ответил сразу.

— Тогда нужно понять, что именно не устраивает. Сам дом или то, что в нём произошло.

Ева замерла с чашкой в руке.

— У вас на всё есть ответ?

— Нет. Обычно только хорошие вопросы.

— Это раздражает.

— Мне говорили.

— Часто?

— Достаточно, чтобы не считать это комплиментом.

Она поставила чашку.

— А если человек вдруг обнаруживает, что не знает дома, в котором прожил много лет?

Вопрос прозвучал слишком лично. Отступать было поздно. Алекс посмотрел на неё внимательно, но без любопытства.

— Тогда, наверное, стоит пройти по нему ещё раз. Медленно. Не предполагая заранее, что находится за каждой дверью.

— И если за одной из них окажется то, чего лучше было не видеть?

— Лучше для кого?

Ева отвела взгляд. За окном двое рабочих несли длинную доску. Один шёл спиной вперёд и всё время оглядывался, доверяя напарнику только наполовину.

— Хороший вопрос, — сказала она.

— Я предупреждал.

Она улыбнулась, но внутри стало тревожнее. Ева понимала, что говорит с почти незнакомым мужчиной о собственном браке, не называя ни одного имени и не рассказывая ни одного факта. И всё же разговор был более откровенным, чем многие её разговоры с Кириллом за последние дни. Это пугало. Она поднялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.